

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Истина и адресация

Азархин Кирилл Андреевич

Аспирант

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский

факультет, Киев, Украина

E-mail: zardak7@yandex.ru

Размышления на тему сути понятия истины рано или поздно могут натолкнуться на вопрос о связи поиска истины и такого явления как адресация. Основной тезис данного доклада таков: где есть истина – там есть и адресация, чьё-то обращение к кому-либо. По своему формальному свойству истина всегда передаваема и всегда получаема. Не только то, что мы отталкиваемся в нашем поиске от каких-то положений, делает их истиной. И также не делает высказывание истиной его удовлетворение каким-либо предустановленным нами условием. Истина требует вовлеченности в стремление всей полноты нашего бытия и не терпит выделения «под поиск» лишь какого-то его региона. Это подчинение поиску всего без остатка сознания искателя и объясняет невозможность такого типа «добывания» истины, словно это добыча золота в шахте. «До-быть», означает «быть до», тогда как потребность в истине отрицает всё предшествовавшее бытие как несущественное, требуя истины как единственно того, что может дать бытийное утверждение человеку.

Конечно, понятие о всеобщей истине, которую можно «за раз» поведать, восходит к христианству, и подразумевает некое знание, которое всецело определяет дальнейшее бытие человека, затрагивая его как бытие личностное. В истории мы можем наблюдать самые гениальные философские прозрения, известные как начала или моменты трудов, которые всё же оставляли «за бортом» что-либо к исследованию не относящееся, но что позднее входило всё же в поле зрения философов. На мой взгляд, правомерным будет заявить, что философствование - это серьёзная игра с особенными свойствами. Но ведь может показаться, что философия - это игра *в серьёзность*, в которой эта последняя, оправдывается либо уверенностью в непреложности блага, приносимого разоблачением оппонентов, либо чувством подлинного величия предстоящих научных свершений. Но это мнение может выдвигать только человек никогда не чувствовавший настоящего философского запала, или именуемый "философией" что-то, чем она не является. Философия обладает свойствами игры, но никак не является игрой в серьёзность. Язык и дискурс – это незаметно подкрадывающиеся правила, которые обладают суггестивной силой подчинить себе даже того, кто только что, возвышаясь над оппонентами, указывал им, что это они, на самом деле, - играют в игры. Эти правила – залог возможности игры и ограждение от здравого смысла, который, как говорил Гадамер, положил бы конец философии, если бы был философским аргументом.

Чем же философия не здрава? Тем, что её конечной целью является высказывание. Её отличие от обыденности в том, что она движима онтологической интенцией, стремлением, как это следует из этого понятия «онтологический», сказать о бытии. Но не просто сказать, а сказать на грани полномочий (а не возможностей) самого языка. История философии, таким образом, предстает итерациями эманлирующего вопрошания, направленного из неосознанного бытия языка [2] к поиску наличных содержаний

слов, правильных отношений между понятиями, ограничений, которые должны быть наложены на язык. Истина как откровение возможна в философии, доколе остаётся возможность бить молотком по шахматной доске дискурса, преобразовывая его, ограничением или, наоборот, включением в его поле коренящихся в обыденности оснований того, что провозглашалось ещё вчера, при старых правилах. Истина, таким образом, приходит как откровение, от кого? – от философа. Кому – к философам. Когда же философия подходит вплотную к стене «вот», откуда ждать откровения?

Насколько часто ответ на вопрос оказывается для нас коррекцией адресации! «Посмотри в словарь», «Спроси у Google», «читай оригинал», «спроси в молитве у Бога» и т.п. Мартин Хайдеггер, казалось бы, атеист, в работе «Вклад в философию» призывает обратить вопрошание к Бытию [3]. Может ли быть так, что всякий исследователь нуждается в коррекции адресации? Философ упирается в необходимость спрашивать. Итак, является ли адресация, вопрошающая или открывающая - неотъемлемым атрибутом истины? Можно сказать, что всё говоримое в философии, если позиционируется автором как истина, непременно адресуется, провозглашается, открывается другим. И тем не менее, все это происходит в рамках коллективной философской игры. И истина философии остается истиной игры, не зависимо от того, выплескивается ли та или иная идея вовне философского поля, становясь наследием далекого академизма человечества. Кто угодно может подхватить меткую мысль, ведь все играют в одну и ту же игру, просто не все следят за "чемпионатом мира". Что касается вопрошания как средства *поиска* истины, то, говоря о ней, мы входим, как говорил Мартин Бубер, в сферу сверхрассудочной истины отношения [1], то есть, речь здесь уже идёт о полном трансцендировании в ожидании и о концентрации истины игры, переходящей в истину жизни, в вопросе. Но адресация поиска истины вполне может быть темой отдельного доклада, так как в ней происходит нечто невероятное для классической ситуации философской игровой конкуренции - своего рода заглядывание в конец учебника за ответом.

Погружение в проблематику философских откровений, разоблачений и пророчеств на первый взгляд требует чёткого разграничения между философией подлинной и философией среды, обусловленной полем гуманитарного знания, являющегося переплетением таких факторов, как привычка, престиж, обеспечение и т.п. На деле же история философии включает в себя борьбу подлинного с наносным, что ещё раз указывает на сущностную диалектику серьёзности и игры в философии.

Литература

1. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. с. 16-92
2. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
3. Heidegger M. Beitrage zur Philosophie (vom Ereignis). Frankfurt am Main. 1998. – 515 с.